

КОНЦЕПТ В ПЕРФОРМАТИВНОМ ЛИНГВАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

ТЕРКУЛОВ В. И.

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

У статті мова розглянута як лінгвальний світ людини, який за своєю природою є мовною картиною онтологічного світу. Запропоновано розрізнати три форми існування мовного буття індивіда – світ лінгвального балансу, перформативний світ, поетичний світ. Концепт є атомом існування зазначених світів. Для кожної з форм мовного світу виділяються свої типи концептів.

Ключові слова: концепт, лінгвальний світ, онтологічний світ, перформативний світ, поетичний світ.

В статье язык рассматривается как лингвальный мир, который по своей природе является языковой картиной онтологического мира. Автор предлагает различать три формы существования языкового бытия индивида – мир лингвального баланса, перформативный мир, поэтический мир. Концепт является атомом существования указанных миров. Для каждой из форм языкового мира выделяются свои типы концептов.

Ключевые слова: концепт, лингвальный мир, онтологический мир, перформативный мир, поэтический мир.

This paper examines language as a lingual world which equals a linguistic picture of the ontological world. The author suggests recognizing three forms of linguistic existence of an individual: the world of lingual balance, performative world, and poetic world. The concept is an atom of the mentioned worlds existence. Each form of the lingual world is ascribed its own types of concepts.

Key words: concept, lingual world, ontological world, performative world, poetic world.

Понятие “концепт” следует отнести к наиболее проблемным научным образованиям, стремящимся заполнить собою все пространство гуманитарного знания. Практически все науки данной отрасли перестраивают методологию, подчиняя ее поиску базовых концептов человеческого бытия и уничтожая при этом собственную самобытность, чем ставят под сомнение сам факт необходимости своего существования. Такова, например, современная когнитивная лингвистика, которая считает своей задачей не исследование лексической и грамматической семантики языка в целом, а “исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере” [21, с. 7]. Иначе говоря, в представлении некоторых ученых лингвокогнитология существует лишь как одна из составляющих когнитологии, отличающаяся от остальных ее составляющих только путем проникновения в сознание человека – через язык. Как видим, места для исследования самого языка здесь не осталось. Хотелось бы вернуться к языку как к единственному объекту лингвистики, правда уже проведенному через фильтры когнитивного подхода. И этот факт подчеркивает актуальность статьи.

Целью статьи является определение места концепта в лингвальном мире. Предполагается, что в сознании человека существуют концепты, созданные языком и ограниченные им. Именно поэтому для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи – установить сущность лингвального мира, формы его существования, а также типы концептов относительно их места в той или иной форме языковой реальности.

Можно согласиться с лингвистами, отмечающими возможность развития и процветания лингвокогнитологии только в пределах антропоцентрической парадигмы, которая “... осознается главным принципом современной лингвистики на рубеже XX–XXI веков” [18, с. 7].

Однако понимание лингвистического антропоцентризма в этой работе несколько отличается от того представления, которое только констатирует, что, согласно данному принципу, "... научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования" [12, с. 212].

В вершину угла предлагаемой концепции, которая базируется на определении В. фон Гумбольдтом языка как "... мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека" [8, с. 304], помещено предположение о существовании организованного языком мира событий, то есть о существовании перформативного лингвального бытия социума и субъекта. Данный вывод подкрепляется особым образом интерпретированным представлением о языковой относительности Сепира – Уорфа. Напомню, что, по утверждению Э. Сепира, "люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешений некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения" [25, с. 135]. Не вызывает сомнений убедительность примеров, приведенных Б. Уорфом в подтверждение данного тезиса. Действительно, например, "около склада так называемых *gasoline drums* (бензиновых цистерн) люди ведут себя соответствующим образом, то есть с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием *empty gasoline drums* (пустые бензиновые цистерны) люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти *empty* (пустые) цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения" [25, с. 136]. Заметим, что нами несколько по-иному трактуются причины, обуславливающие возможность появления таких ситуаций. Если для американского ученого их наличие обусловлено тем, что структура языка, по его мнению, определяет мышление и способ познания реальности, то для нас большое количество случаев провоцирования языковыми сущностями неправильной оценки ситуации является основанием для утверждения о репрезентации в семантической структуре языка двух миров – онтологического, референтного, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языке, и лингвального, то есть мира, созданного языком. Другими словами, в предлагаемой концепции не язык определяет мышление, а мир, созданный языком, является миром нашего человеческого существования. Поведение людей обусловлено законами этого мира, хотя имеет, в то же время, онтологические рамки. Как отмечал В. Красиков, описывая концепцию Л. Витгенштейна, "существует как бы два среза бытия: мир как совокупность фактов, целокупность событий, поддающихся описанию в познании через фактуальные предложения, логические комбинации и жизнь – область человеческих смыслов и ценностей" [11, с. 10]. Важно то, что на пересечении этих миров и существует человек как личность, которая, с одной стороны, определяет формы существования онтологического и лингвального бытия, а с другой – определяется, формируется этими мирами.

Учет вышесказанного позволяет внести некоторые коррективы в схему номинации. Эта схема, изначально определявшаяся как дихотомия (реальность → язык), представляется в виде трихотомии: онтологическая реальность → язык → лингвальная реальность. При этом именно последняя становится главным конструктом человеческого бытия. Как писал В. фон Гумбольдт, "... человек думает, чувствует и живет только в языке" [8, с. 378]. Несколько иначе высказался по этому поводу М. Бахтин, по мнению которого антропоцентризм "культурного

кода” порождает пленение человека языковыми стереотипами как стереотипами культуры: “Только мифический Адам, подошедший с первым словом к еще не оговоренному девственному миру, одинокий Адам, мог действительно до конца избежать этой диалогической взаимоориентации с чужим словом в предмете. Конкретному историческому человеческому слову этого не дано: оно может лишь условно и лишь до известной степени от этого отвлекаться” [1, с. 92].

Традиционно такое лингвальное бытие мира определяют как языковую картину мира, то есть как “... отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности в её соотношении с человеком” [5, с. 148]. Следует отметить в этой связи, что, в отличие от картины мира, которая закономерно трактуется только как “глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности” [22, с. 21], лингвальный мир – это не столько отражение внеязыковой реальности в языке, сколько особым образом организованная реальность, то есть не только картина мира, но и мир. Следует согласиться с А. Пигалевым: “Язык создает искусственное сверхчувственное социальное пространство-время культуры” [17, с. 50], и поэтому система ориентиров “вещного и социального миров” представляет собой не что иное, как именно указанное языковое пространство время культуры. И это приводит к тому, что “... язык всей своей системой настолько связан с жизнью, копирует ее, входит в нее, что человек перестает различать предмет от названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке. Создается иллюзия полного их единства” [16, с. 69]. Такой подход во многом соприкасается с представлениями М. Хайдеггера, писавшего о том, что “картина мира, сущностно понятая, означает <...> не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины” [27, с. 49].

Отметим три типа сосуществования языковой картины мира, то есть номинации онтологического мира, и лингвального мира.

1. Лингвальный мир стремится к совпадению с языковой картиной мира, перформация стремится к слиянию с номинацией. Например, фраза *Весь день идет дождь*, в сущности, отражает реальное состояние мира. Назовем эту ситуацию “лингвальный баланс”. Однако следует сказать, что даже этот лингвальный баланс предполагает некоторое превалирование перформации над номинацией. Приведенная фраза, например, с точки зрения лингвального мира, истинна при любых условиях, с точки же зрения онтологического мира, она может быть как истинной, так и ложной. В языковом бытии некий промежуток времени “день” полностью (весь) связан с гештальтной ситуацией “идет дождь”, где статус гештальт-агента выполняет дождь. Однако в онтологическом мире существует ряд факторов, позволяющих усомниться в полном тождестве внеязыковой и языковой реальностей. Во-первых, во фразе предполагается абсолютность описываемого события, однако в онтологическом мире дождь идет только в определенной местности, физически связанной с субъектом-номинантом. Последний же в языковом мире делает дождь событием вселенским, а не локальным. Во-вторых, во фразе дождь темпорально представляется как континуум, в то время как в реальности он может на время прекращаться и т. д. Представление мира в языке становится фактором создания новой предметной реальности, которую А. Лосев обозначил следующим образом: “Язык есть предметное обстояние бытия” [15, с. 98].

2. В некоторых случаях перформативность лингвального мира является средством организации реального мира. В первую очередь это проявляется в использовании так называемых перформативных глаголов и предложений, то есть повествовательных предложений, репрезентирующих высказывание, которое не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Так, высказывание *Обещаю тебе прийти вовремя* есть уже обещание. Таковую же значимость имеют и манипулятивные тексты,

в основе которых лежит “... вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент” [3, с. 99]. Манипулятивный текст создает лингвальную реальность, выгодную своему создателю, а также направленную на формирование нового лингвального сознания и мира у получателя данного текста.

3. Иногда перформативность лингвального мира становится причиной полного его отрыва от реальности. В этом случае лингвальный мир становится миром вымысла, а мир онтологический даже не предполагается. Наиболее ярко это отражается в разнообразных произведениях словесного творчества. Слово в художественном тексте является не фактом обозначения, а фактом созидания, оно – единственная реальность художественного мира, обозначаемых им реалий попросту не существует во внесловном, физическом мире: нет и не было в реальности носа, гулявшего по Невскому проспекту, Евгения Онегина – все они существуют только в слове и представляют собой особым образом организованную словесную материю. Если в реальном языке фраза “идет дождь” является констатирующей предикацией двух номинативных сущностей, отражающих внеязыковые референты действия (*идет*) и субстанции (*дождь*) в настоящей (*Весь день* здесь и сейчас в реальности) локации, то в литературной действительности фраза “*Весь день идет дождь*” является самодостаточной реальностью, имеющей место только в мире слова. Мир и слово тут отождествляются. Здесь уместно привести размышления В. Федорова о том, что слово является “единственным субъектом, поскольку бесчисленные субъекты разнообразных существований суть превращенные формы бытия слова” [26, с. 480]. При этом слово художественное и слово естественное представляют собой две стороны одной сущности – не может художественное слово, несмотря на многочисленные попытки, например, тех же футуристов, выйти за пределы законов функционирования естественного слова. В сущности, художественное слово, художественный текст, художественный язык – это естественное слово, естественный текст, естественный язык в неестественной для них функции. Не в функции номинации и коммуникации, а в функции креации, перформации, созидания, сотворения новой – лингвальной реальности.

Понятно, что обозначенные три модели взаимодействия онтологического (внеположенного по отношению к языку) и лингвального миров даны только в качестве повода для дискуссий и причины поиска более дробной классификации.

Различие онтологического и лингвального мира, на наш взгляд, является проекцией на языковую и речевую деятельность субъекта двух аспектов номинативной функции: собственно номинативного, выражающего стремление языка адекватно отразить внеязыковую, онтологическую реальность, и перформативного, представляющего собой реальное воплощение номинативных интенций субъекта-номинанта в мире лингвальных сущностей. Субъект, пытаясь обозначить внеязыковую реальность, онтологический мир, по сути создает новую – лингвальную – действительность, которая подчиняется законам субъекта, стереотипам, являющимся отражением заложенных в языке моделей преобразования внеязыкового мира в языковой, преломленных через лингвальную компетенцию номинанта. Задача дальнейших исследований как раз и состоит в определении конкретных форм сосуществования онтологического и лингвального миров в текстах разных типов, моделей лингвальной перформации объективной действительности. Такой подход к определению статуса реальности, репрезентируемой в языке и порождаемой языком, позволяет по-новому подойти к определению языкового статуса концепта.

Как известно, существует два подхода к определению соотношения языка и концептосферы. Наиболее распространенная точка зрения предполагает, что концепт – это не языковая, не лингвальная, а психологическая, ментальная сущность. Например, З. Попова и И. Стернин утверждают, что концепт – это только “... принадлежность сознания человека, глобальная

единица мыслительной деятельности” [21, с. 9]. В основе такой трактовки констатация того, что “... наряду с языковым существует неязыковое мышление, с одной стороны, и что языковое существование связано не только с мышлением, но и с чувственно-волевой сферой и подсознанием, с другой стороны” [10, с. 9]. С тем, что существуют невербальные формы мышления, спорить трудно, однако сложно согласиться и с тем, что концепт нельзя рассматривать как лингвальную единицу только потому, что есть возможность его существования вне языка, а именно так и следует трактовать утверждение: “Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами” [20, с. 8]. В качестве примера В. Карасик приводит следующую ситуацию: “Когда я слышу фа-минорную хоральную прелюдию Баха, мне вспоминаются финальные кадры из фильма А. Тарковского “Солярис”: изображенная мыслящим океаном встреча героя с отцом, самый дорогой подарок, который можно получить, навсегда попрощавшись с родным человеком. Такая встреча – это концепт, у которого нет однословного вербального обозначения” [10, с. 12]. Однако даже говоря о неязыковенных концептах, сторонники нелингвальной природы последних вынуждены прибегать именно к вербальным средствам их описания и опираться именно на языковую плоскость их существования. Как отмечает В. Карасик, “описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений” [9, с. 134]. Автор объясняет концепты через значения слов [10, с. 10]. Еще более четко это выражено в том исследовании, которое, как это не парадоксально, является, по нашему мнению, манифестом теории нелингвальной природы концепта. Сами З. Попова и И. Стернин утверждают, что “произнесенное или написанное слово является средством доступа к концептуальному знанию” [19, с. 19], что “слово <...>, как и любая номинация, – это ключ, “открывающий” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить включателю – он включает концепт в наше сознание, активизируя его в целом и “запуская” его в процесс мышления” [19, с. 19]. Другими словами, “естественный язык <...> выступает лишь средством, обеспечивающим исследователю доступ к “языку мозга” [7, с. 10]. Однако это свидетельствует именно в пользу того, что, во-первых, в концепте нет ничего такого, что не могло бы реализоваться в языке, а во-вторых, что, будучи полностью реализованным в языке, концепт является собой именно лингвальную – языковую – сущность.

Таким видится второй – собственно лингвистический – подход к трактовке концепта, представленный в работах Е. Кубряковой, С. Воркачева и многих других. При этом наиболее важен тезис Е. Кубряковой о том, что “объективация сознания с помощью языка оказывается условием человеческого существования и главной отличительной чертой *homo sapiens*. Тогда как невербализованные знания выступают как неявные, неосознаваемые, смутные <...>, появление специального обозначения для сложившейся или складывающейся в голове человека структуры знания позволяет превратить нечто диффузное и неопределенное в нечто характеризующееся явными границами и выделенное в отдельную сущность” [13, с. 306]. Обозначенное именем знание приобретает свою условную законченность именно в языке и поэтому может быть определено именно как сущность лингвального мира. Нет сомнения, что мышление человека может быть невербальным, что зона существования концептов распространяется далеко за пределы языка. Однако “схваченное знаком” знание становится концептом лингвального мира – лингвоконцептом, а значит, должно рассматриваться именно как компонент языковой структуры. Концепт, следовательно, является в этом случае уже не столько категорией мышления вообще, сколько категорией вербального мышления, категорией вербального мира. При этом концепт, существующий в лингвальном мире, становится не просто знанием об объекте номинации, но системоорганизующей единицей. В силу того,

что на уровне языка нет ничего, кроме инвариантных сущностей, именно концепты, связанные с инвариантной формой номинативной единицы, определяют законы коммуникации, законы своей коагуляции и выбора формальных языковых структур.

В связи с этим необходимо внести некоторые уточнения в определение базовых параметров лингвоконцепта. Известно, что в когнитологии существует огромное количество определений концептов. И поэтому “видовая пролиферация этого объекта, как представляется, дает повод обратиться к “биологической метафоре”: разновидности лингвоконцептов в пределах дефиниционной формулировки растут, “как трава” – не имея под собой какого-либо последовательного классификационного основания <...>, что весьма затрудняет их типологию” [6, с. 15]. Различные определения базовых характеристик концепта позволяют составить общую картину представлений о нем, которая является, в сущности, концептом “концепта”. Выделение последнего осуществляется, очевидно, на основе предложенной М. Пименовой модели исследования концептов, которая “... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные признаки концептов” [18, с. 74]. Уточним, правда, что в нашем исследовании характеристики концепта определяются его статусом конструкта лингвального мира. Конечно же, он имеет ментальную природу. Однако для языка важнее всего то, что концепт – это “синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в “снятом”, редуцированном виде – своего рода “гипероним” последних” [7, с. 5]. Следует отметить, что эта “снятость”, на мой взгляд, позволяет наделить концепт статусными характеристиками каждого из упомянутых ментальных образований. С одной стороны, он должен быть определен как когнитивная сущность в своем индивидуалистском, личностном (представление) состоянии, с другой – в своем феноменологическом, гносеологическом (понятие) проявлении, а с третьей – как языковая, лингвальная (значение) инстанция. Иначе говоря, концепт “является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека” [14, с. 287]. В силу этого в концепте реализуются как онтологические, так и прагматические аспекты идентификации референта (референции). “Следствия познания как взаимодействия субъекта и объекта воплощаются в языке, который есть одновременно и информативной системой и аккумулятором знаний – материально воплощенным выражением мышления”, – отмечает В. Русановский [23, с. 49]. При этом нужно помнить, что данное материальное воплощение мышления, являясь результативно концептом лингвального мира, возникает в момент трансформации представлений об онтологическом мире в новую форму бытия – мир языковых сущностей. Мы предполагаем разграничение трех типов концептов по способу этой трансформации.

Во-первых, это номинативные концепты, которые существуют как отражение реальных сущностей онтологического мира. Таковы, например, концепты *свет*, *зажгла*, *Наташа* во фразе *Наташа зажгла свет*.

Во-вторых, это перформативные концепты, которые возникают как актуализация идеи индивида преобразовать мир. Это могут быть концепты, обозначенные перформативными глаголами, например “обещать”, “клясться” и т. д. Сюда же следует отнести концепты манипулятивных (в первую очередь, политических) текстов, о концептуальной организации которых Э. Будаев и А. Чудинов пишут: “Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека” [2, с. 23]. Поэтому в перформативных концептах данного типа реализуется не номинативное, стремящееся к адекватности онтологического и реального миров знание о связанном концептом объекте, а желаемое знание, настроенное только на внушение коммуниканту своей истинности.

В-третьих, это поэтические концепты, которые абсолютно утрачивают связь с онтологическим миром и направлены полностью на формирование лингвальной реальности. Именно здесь в полной мере реализуется способность знаков языка “создавать новые ментальные пространства (ментальные миры условностей, воображения, фантазий)” [24, с. 72]. Поэтические концепты не отражательные, хотя и можно предположить существование в этимологической ретроспективе неких прототипов поэтической реальности. Здесь и сейчас они представляют собой вымышленные знания; они не номинируют мир, не представляют онтологический мир в терминах желаний индивида, а создают мир, являются его единственной онтологической реальностью.

Итак, концепт рассматривается автором как сущность лингвального мира, которая, будучи квинтэссенцией знания, в языке приобретает статус организатора структуры, организатора речемыслительной деятельности. Это элемент языка, определяющий возможности речи. Концепт является лингвальной сущностью. Иначе говоря, как отмечала А. Вежбицкая, концепт – это объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность” [4]. Наличие имени у концепта и есть тот стимул, который определяет его языковую природу; в то же время концепт является конструктором, атомом лингвального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Будаев Э. В. Методологические грани политической метафорологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Полит. Лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т., 2007. – Вып. 21. – С. 22–31.
3. Быкова О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск-Ачинск, 1999. – С. 120–140.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая ; [пер. с англ. М. А. Кронгауз]. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
5. Виноградов В. А. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – М. : Рус. яз., 1995. – 176 с.
6. Воркачѳ С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачѳ // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – Вып 1. – С. 10–13.
7. Воркачѳ С. Г. Введение / С. Г. Воркачѳ // Лингвокультурный концепт : типология и области бытования / Под общ. ред. проф. С. Г. Воркачѳева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – С. 5–7.
8. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; [пер. с нем. Г. В. Рамишвили]. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. Карасик В. И. Языковые ключи / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
11. Красиков В. И. Концепты в функции философских основоположений / В. И. Красиков // Язык. Этнос. Картина мира / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – Вып 1. – С. 10–16.
12. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность : от теории словесности к структуре текста : [антология]. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.

15. Лосев А. Ф. *Философия имени* / Алексей Федорович Лосев. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1990. – 269 с.
16. Лотман Ю. М. *Лекции по структуральной поэтике* / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 11–246.
17. Пигалев А. И. *Культурология* / Александр Иванович Пигалев. – Волгоград : Либрис (Изд-во Волгогр. ун-та), 1999. – 419 с.
18. Пименова М. В. *Введение в концептуальные исследования* / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : КемГУ, 2009. – 160 с.
19. Попова З. Д. “Слабые места” публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Язык. Этнос. Картина мира* / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 16–23.
20. Попова З. Д. *Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку* / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Антология концептов*. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7–10.
21. Попова З. Д. *Когнитивная лингвистика в современной науке о языке* / З. Д. Попова, Стернин И. А. // *Ментальность и язык : [коллективная монография]* / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – С. 3–15.
22. Постовалова В. И. *Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы* / В. И. Постовалова // *Фразеология в контексте культуры*. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 23–25.
23. Русанівський В. М. *Поняття семантичного і стилістичного інваріанта* / В. М. Русанівський // *Мовознавство*. – 1981. – № 3. – С. 9–20.
24. Селиванова Е. А. *Когнитивная ономазиология* / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитосоцицентр, 2000. – 248 с.
25. Уорф Б. Л. *Отношение норм поведения и мышления к языку* / Б. Л. Уорф // *Новое в лингвистике*. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 135–169.
26. Федоров В. В. *В чем необходимость поэта?* / В. В. Федоров // *Восточноукраинский лингвистический сборник*. – Донецк, 2006. – Вып. 10. – С. 480–487.
27. Хайдеггер М. *Время и бытие : статьи и выступления* / Мартин Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

*Дата надходження до редакції
03.04.2011*